

© 2011 г.

H. BARTA. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Band 1. Wiesbaden: Harrassowitz, 2010. XX, 683 S.

Австрийский ученый Хайнц Барта замыслил нечто грандиозное (во всяком случае, в плане объема). Рецензируемая книга – а она сама по себе огромна – является лишь первым томом капитального многотомного труда, и в дальнейшем автор обещает еще три. В заглавие работы вынесена известная средневековая латинская «крылатая фраза»¹ (о ее значении в данном контексте будет сказано ниже), а из подзаголовка следует, что речь пойдет о зарождении европейского права в античной Греции.

Х. Барта по образованию юрист; интересно, что долгое время круг его интересов не имел ничего общего с античностью. Его исследования с 1980-х по начало 2000-х годов были посвящены либо различным вопросам австрийского и немецкого права, либо общеправовой проблематике, и лишь в последние годы он начал писать о сюжетах, связанных с древнегреческим материалом.

Знакомясь с содержанием книги, легко понять, что она написана именно юристом, а главное – для юристов. Нам в свое время приходилось уже отмечать², что историки и юристы несколько по-разному занимаются правом античной Эллады: неодинаков спектр представляющихся приоритетными тем, имеют свою специфику подходы. Не в последнюю очередь кажется уместным указать на то, что, в отличие от историков античности, юристы (даже те из них, кто избирает предметом своей специализации древнее право) при получении высшего образования изучают, как правило, только латынь, но не древнегреческий язык. Данное обстоятельство если и не закрывает автоматически, то, по крайней мере, чрезвычайно усложняет для них путь к корректному пониманию и исследованию юридических памятников, созданных на этом языке, из чего, как естественное следствие, проистекает недооценка юристами роли эллинской цивилизации в формировании и развитии европейской правовой теории и практики.

Собственно, именно это и хочет сказать Х. Барта названием своей книги, косвенно намекая таким образом на основную ее идею. Автор считает нужным специально разъяснить избранный им заголовок, делая в начале первой главы небольшой исторический экскурс (с. 57–58). Как известно, в *Corpus iuris civilis* императора Юстиниана присутствуют многочисленные пассажи на греческом языке. Когда во второй половине Средних веков началась рецепция этого свода в Западной Европе, комментаторы в соответствующих местах делали пометки типа «Graeca non leguntur» – «По-гречески, не читается».

По мнению Барты (в целом, безусловно, справедливому), для многих современных юристов, занимающихся античным правом, по-прежнему *Graeca non leguntur*, что и становится причиной распространённого представления, согласно которому истоки европейской правовой культуры следует искать исключительно в Риме. Главным пафосом рецензируемой книги становится именно борьба с этим заблуждением.

Приходится заметить, что среди тех специалистов по праву античного мира, которые являются историками (или филологами), а не юристами, подобное превратное мнение, в общем-то, практически не встречается. Никак нельзя сказать, что изучением древнегреческого права ныне пренебрегают. Напротив, количество исследований по данной тематике постоянно возрастает. Не имеет даже смысла давать здесь указания на эти работы: даже если перечислять только самые важные из них, потребовался бы очень пространный (и вряд ли нужный в рецензии) библиографический экскурс. Сошлемся, пожалуй, лишь на фундаментальный компендиум, относительно недавно подготовленный в Кембридже ведущими учеными³, а уже из списка литературы к этому изданию интересующийся читатель почерпнет дальнейшие сведения.

¹ Известна также в варианте *Graecum est, non legitur* (см., например: Бабичев, Боровский 1988, 297).

² Суриков 2004, 22.

³ *The Cambridge Companion...* 2005.

Повторим: видимо, лишь в среде юристов (да и то вряд ли всех без исключения) имеет место мнение о том, что «всё право – из Рима». Для большинства историков древнегреческого права тот факт, что европейское право зародилось в Греции, является чем-то само собой разумеющимся и вряд ли требующим развернутых доказательств. Собственно говоря, и сами римские авторы постоянно указывают на этот греческий приоритет. Достаточно вспомнить хотя бы знаменитое патетическое восклицание Плиния Младшего о Греции: «Всегда помни, что это та земля, которая дала нам право и прислала законы, не по праву победы, а по нашей просьбе» (Plin. Epist. VIII. 24. 4). Цицерон и его соотечественники были твердо уверены, что, например, Законы XII таблиц – этот первый римский юридический памятник – создавались под прямым греческим влиянием.

Откровенно говоря, нас даже несколько удивило, что потребовалось писать столь крупномасштабный труд для обоснования тезиса, который и так представляется вполне очевидным. Однако Х. Барта пошел именно по этому пути, и задача рецензии – проследить, как он реализует свои планы. Перед этим, правда, необходимо сделать две оговорки.

Во-первых, в рамках краткой рецензии столь объемной книге вряд ли может быть дана исчерпывающая характеристика. Скорее удастся отразить некое общее впечатление. Во-вторых, даже и это впечатление будет в известной мере предварительным, поскольку, напомним, на момент написания этих строк в нашем распоряжении только первый том из четырех; соответственно, приходится по части судить о целом.

Том состоит из введения (с. 1–56) и, что довольно необычно, одной-единственной главы, которая обозначена как «глава I» (с. 57–561). Предполагается, что дальнейшие главы (со второй по одиннадцатую; последняя представит собой общее заключение) войдут в состав следующих томов. За текстовой частью идут словарь юридических терминов, обширная библиография – почти на сотню страниц (с. 577–669), что, разумеется, делает ее весьма полезной, – и, наконец, предметный указатель.

Введение начинается с декларирования основного положения труда: до римского права было древнегреческое, более того, последнему, в свою очередь, предшествовали, отчасти влияя на него, правовые системы Древнего Востока. Впрочем, о древневосточном праве упоминается скорее «для порядка»; в дальнейшем речь о нем все-таки в основном не идет, и автор концентрируется на греческом. По его наблюдению, в античной Элладе встречались уже достаточно сложные правовые казусы (ряд примеров он приводит), и, таким образом, практика правотворчества и правоприменения имела весьма развитые формы. Продвинулись греки не только в сфере практики, но и теории: так, афинского оратора и софиста V в. до н.э. Антифонта⁴ Х. Барта называет «первым европейским правоведом» (с. 49). Непонятно, правда, почему именно его. Антифонт был лишь одним, хотя и видным участником софистического движения, которое в целом внесло очень важный вклад в развитие правовой мысли. С тем же успехом на лавры «первого европейского правоведа» мог бы претендовать любой другой из крупнейших софистов, например Протагор.

Кроме того, во введении присутствуют все моменты, формально необходимые в данной части работы: постановка и обоснование темы, определение некоторых ключевых понятий (в частности, «правовая мысль»), краткий очерк содержания всего запланированного четырехтомного труда, разъяснение принципов ссылок и цитирования, принятых в книге, благодарность коллегам и организациям, содействовавшим ее написанию и изданию.

Перейдем к краткому разбору первой и единственной главы, которая носит название «Перспективы». В ней содержится довольно разнородный материал, в последовательности изложения которого порой трудно уловить систему.

Один из первых вопросов, к которым обращается автор, – периодизация развития греческого права. Он дает ее в виде таблицы (с. 76), причем пытается соотносить эволюцию правовых норм с изменением политических институтов. Основные результаты получаются следующие: примерно до 800 г. до н.э. в политической области – ранняя монархия, в юридической – обычное право; в 800–650 гг. до н.э. в политической области – аристократия, в юридической – по-прежнему обычное право; в 650–500 гг. до н.э. в политической области аристократия или тирания, в юридической – первые письменные законодательства; в 508–338 гг. до н.э. в политической области демократия или олигархия, в юридической – право, основанное на законах (*Gesetzesrecht*), или «модифицированное аристократическое законодательство»; в 338–30 гг. до н.э. в политической области – македонская и эллинистические монархии, в правовой – право, основанное на законах, плюс царские эдикты. Как можно видеть, ничего принципиально нового здесь не сообщается. Более того, предложенная схема страдает сильными упрощениями, а некоторые формулировки автора нелегко понять, они озадачивают.

Затем речь заходит о влиянии греческого права на римское. Х. Барта выделяет три фазы этого влияния (с. 79–84). Первая, по его мнению, начинается уже в середине V в. до н.э., в период создания Законов XII таблиц. Вторую он датирует с начала III в. до н.э. по середину II в. до н.э.; третья отсчи-

⁴ О нем см., прежде всего, Gagarin 2002.

тывается с того момента, когда в состав римских владений начинают включаться эллинистические государства, и продолжается вплоть до конца истории Римской империи и до кодификации Юстиниана.

Далее автор указывает, что будет рассматривать право в широком культурно-историческом контексте и действительно на протяжении всей книги придерживается этого принципа. Так, он указывает на связь древнегреческих правовых воззрений с натурфилософией и даже с тогдашней медициной (с. 109–111). Впрочем, гораздо подробнее Х. Барта останавливается на роли религии в становлении древнегреческого права. Поэтому, кстати, он приводит обширный (как и все в его книге) очерк о древнегреческой религии в целом (с. 215–344). Нас, признаться, даже несколько озадачило столь пространное уклонение от темы. Никак не можем удержаться от впечатления, что автора буквально-таки «распирает», как всякого неопита, и он стремится поведать читателям обо всех тех интересных вещах, которые он узнал, начав заниматься правовой проблематикой античности. Впечатление это только крепнет от того, что внутри «религиозного» экскурса встречаются такие, например, суб-экскурсы, как (ни много ни мало!) «Мысли о возникновении полиса (*Gedanken zur Polisbildung*)» на страничку с небольшим (с. 313–315).

Х. Барта настаивает на том, что древнегреческое право вовсе не было какой-то архаической, слабо развитой системой; напротив, оно во многом соответствует современному правовому мышлению. В частности, он подчеркивает гуманизм древнегреческого права.

Автор полемизирует с общепринятым в общем-то представлением, согласно которому древнегреческое право, в отличие от римского, не подверглось систематизации, являлось, так сказать, «правом без юриспруденции». Поскольку эта последняя точка зрения поддерживается также и нами⁵, не можем не сказать несколько слов *pro domo nostra*. Как ни стараться, но все-таки напрасно было бы искать в Элладе юристов «римского» типа; уж чего не было, того не было. Вопрос о причинах такой ситуации – предмет отдельного разговора, но сам факт вряд ли подлежит сомнению. Следствием пресловутого отсутствия юристов-систематизаторов была, кстати, весьма слабая разработанность правовой терминологии. Например, в отличие от римского права с его в высшей степени четким определением собственности (вплоть до полного противопоставления категорий собственности и владения)⁶, в древнегреческом языке вообще нет термина, который можно было бы адекватно перевести как «собственность». Заслугой А. Ханиотиса⁷ можно считать то, что он показал: понятие собственности в античной Греции существовало, но передавалось не терминологически, а синтаксически – через конструкцию «форма глагола εἶναι с родительным падежом» (например, всем известное Πυθαγόρου εἶμι). Но, думается, все согласится, что от разработанной терминологии это отстоит весьма далеко.

Заметим еще, что весьма разветвленным, многообразным выгляди, например, процессуальное право в эллинских полисах (лучше всего оно известно, разумеется, на примере тех же Афин). Известно множество типов процессов⁸, при попытке элементарной систематизации которых озадачится даже специалист. Но подобное несистематизированное разнообразие, по большому счету, именно ведь и является признаком недостаточной теоретической разработанности. В противном случае близкие виды процессов были бы, скажем, унифицированы, более далекие – классифицированы и т.п.

Х. Барта также весьма активно высказывается в пользу существования единого древнегреческого права. Вопрос отнюдь не праздный, поскольку, как правило, сама эта категория признается в известной степени условной. Автор этих строк и сам в свое время писал: «Не было права, действовавшего во всем греческом мире; было право афинское, право спартанское, право коринфское, право какого-нибудь Флиунта, право критских полисов, право полисов Великой Греции...»⁹. Пожалуй, мы тогда все-таки несколько преувеличили разъединенность за счет целостности. Согласимся с автором рецензируемой монографии, что черт единства в правовых установлениях городов Эллады прослеживается более чем достаточно (как бы ни объяснять этот – по большому счету заставляющий задуматься – феномен).

Те самые черты единства Х. Барта демонстрирует в частях рассматриваемой главы, посвященных «правовым коллизиям в архаической Греции» (с. 345–441; близко к теме также на с. 442–511). Речь здесь идет преимущественно о древнегреческой колонизации эпохи архаики, и австрийский ученый показывает, что уже на столь раннем этапе истории эллинского мира вырабатываются весьма четкие правовые представления о типах выводимого метрополией поселения – апойкии, клерухии, эмпория. Возможно, он даже преувеличивает эту четкость. Если апойкия и клерухия¹⁰ действительно

⁵ Суриков 2004, 7 слл.

⁶ См., например: Покровский 1998, 344–345.

⁷ Chaniotis 2004, 187 ff.

⁸ Не случайно на этой стороне греческого права традиционно в очень значительной степени концентрируются специалисты, его исследующие. См. хотя бы классический, хоть и давний, но не устаревший труд: Lipsius 1905–1915.

⁹ Суриков 2004, 17.

¹⁰ А клерухии тоже являются порождением еще архаической эпохи (хотя и получили большее развитие в классическую). Так, первой афинской клерухией стал Саламин. В связи с этой проблемой см. Суриков 2010.

достаточно четко противопоставляются друг другу (колонист, отъехавший в апойкию, получал новое гражданство, в то время как клерух сохранял гражданство метрополии), юридической категории «эмпорий» мы, например, просто не видим¹¹.

Тем не менее остается фактом, что колонии в период Великой колонизации основывались по неким единым правилам, а сам этот факт уже говорит о многом. Процесс выведения эллинами новых поселений в Средиземноморье, напомним, начался как минимум в VIII в. до н.э., и поселения эти основывались как полисы со всей соответствующей атрибутикой, например с разделом хоры на клеры. Об этом свидетельствует уже Архилох (fr. 145 Bergk), причем в связи с основанием Сиракуз – одной из самых ранних архаических колоний. А значит на тот момент города-метрополии имели уже полные политико-правовые структуры, в целом близкие друг другу.

Указывает Х. Барта и на то, что в архаическую и классическую эпохи истории Древней Греции закладываются также основы межгосударственного права. Впечатляет автора (с. 442–444) уже сам список относящихся к этому родов документов: договоры о перемирии (*spondai*), договоры о союзах и симмахиях, об исополитии и симполитии, о капитуляции, о мире, о разделе военной добычи, о третейском суде, о приглашении арбитров из незаинтересованного государства и др., а также такие реалии, как амфиктионии, панэллинические празднества... Прекращаем перечень (который в оригинале еще долго продолжается) просто для того, чтобы заметить: а что же, собственно, здесь удивительного и восхитительного? Да, в эллинском мире рано сложилась развитая система международных отношений со всем необходимым правовым оформлением. Иначе и быть не могло в специфических условиях древнегреческой цивилизации с ее полисным партикуляризмом. С восторгом указывать на наличие перечисленных норм (в общем-то, довольно элементарных) может, пожалуй, только тот, кто раньше считал античных греков каким-то диким народом, чуждым праву, и вдруг открыл для себя, что это не так. Не будем присоединяться к числу так мыслящих лиц.

Отметим в заключение принципиальный дефект рецензируемой работы. Она написана не на источниках (ссылки на античных авторов в огромной книге крайне редки), а почти исключительно на материале предшествующей литературы. Как раз в этой сфере автор, безусловно, поднаторел и показывает весьма большую ученость. Обширными цитатами из предшественников книга просто-таки изобилует. Складывается впечатление, что, если бы эти цитаты убрать, увесистый том, пожалуй, «похудел» бы вдвое.

Не смеем подозревать, что для Х. Барты тоже *Graeca non leguntur*, и думаем, что он избегает прямого обращения к источникам, наверное, по каким-нибудь другим причинам. Но не можем не отметить, что отмеченное обстоятельство сильно снижает, фактически минимизирует исследовательскую ценность рецензируемой работы. Именно поэтому мы на протяжении всей рецензии избегаем обозначать данную работу как исследование; она действительно больше напоминает компиляцию.

Автор сообщает, что в дальнейших томах его труда будут рассматриваться следующие проблемы: во втором – законодательства Драконта и Солона, в третьем – правовые воззрения афинских драматургов и Фукидида, в четвертом он обратится к вкладу Платона и Аристотеля в развитие права. Очень хочется надеяться, что в этих томах характер изложения изменится в сторону большей ориентированности на источники. Если же и впредь все будет в том же духе, как в первом томе, то, увы, придется по поводу работы, названием которой взято латинское изречение, припомнить иную фразу из той же латыни – *parturiunt montes, nascetur ridiculus mus*.

Литература

- Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. 1988: Словарь латинских крылатых слов. 3-е изд. М.
Покровский И.А. 1998: История римского права. СПб.
Суриков И.Е. 2004: Проблемы раннего афинского законодательства. М.
Суриков И.Е. 2009: «Херсонес изначальный» или «предхерсонесское поселение»? // *Studia historica*. 9, 185–201.
Суриков И.Е. 2010: Великая греческая колонизация: экономические и политические мотивы (на примере ранней колонизационной деятельности Афин) // *Античный мир и археология*. 14, 20–48.
The Cambridge Companion... 2005: The Cambridge Companion to Ancient Greek Law // М. Gagarin, D. Cohen (eds). Cambr.
Chaniotis A. 2004: Justifying Territorial Claims in Classical and Hellenistic Greece: The Beginnings of International Law // The Law and the Courts in Ancient Greece / E.M. Harris, L. Rubinstein (eds.). L. 185–213.

¹¹ Ср. Суриков 2009, 190.

Gagarin M. 2002: Antiphon the Athenian: Oratory, Law, and Justice in the Age of the Sophists. Austin.

Lipsius J.H. 1905–1915: Das attische Recht und Rechtsverfahren. Bd 1–3. Lpz.

И.Е. Суриков,
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

© 2011 г.

СУЛЛА И ЭЛИТЫ (Из новейшей литературы)

Интерес к личности и деятельности Луция Корнелия Суллы по-прежнему очень велик, о чем свидетельствует выход в свет в последние годы целой серии посвященных ему книг¹, не говоря уже о множестве статей². Особое внимание в новейшей литературе привлекает такой важный вопрос, как его отношения с элитами Рима, Италии и провинций. Центральное место среди работ по данной тематике, несомненно, занимает вышедшая в 2007 г. книга Ф. Сантанджело «Сулла, элиты и империя: исследование римской политики в Италии и на греческом Востоке»³. Сантанджело начинает свой труд с рассмотрения процессов, происходивших в римской державе на рубеже II–I вв. до н.э. По мысли автора, фигура «радикально-консервативного» Суллы интересно вписывается в контекст общего кризиса римской имперской стратегии (с. 19). Опираясь на суждения Саллюстия, автор подчеркивает: в то время как вся римская элита оказалась не готовой к роли Рима в качестве мировой державы и утратила сплоченность в ожесточенной борьбе за политическое господство, Сулла выступил как политик нового типа, исключительно динамичный и при этом способный соединять в себе старинные патрицианские доблести с потенциальной готовностью следовать инновационной модели лидерства. Конечно, созданный Саллюстием портрет не может служить бесспорным свидетельством, но с точки зрения общей концепции книги Сантанджело значимо то, что римский писатель подчеркивает важность появления в критические для империи моменты фигур, подобных Сулле: он был не просто умелым военачальником, но и перспективным политическим лидером, способным строить отношения, которые могли принести выгоды как ему самому, так и Риму в целом.

Наиболее опасная угроза консолидации и стабильности империи исходила с Востока (пираты, Митридат, вторжения варварских племен на Балканы). При этом там находилось не адекватное угрозе число магистратов, обладавших империем, – непосредственное участие Рима в делах греческого Востока все еще было недостаточным, если сравнивать его с той ролью, которую Рим играл в Средиземноморье, и с требованиями его империи. Это ставило ряд серьезных вопросов: до какой степени будет готов Рим к прямому участию в делах Востока, как встретит подобный выбор его элита и каков окажется процесс принятия решений в римской внешней политике.

На некоторые из этих вопросов дает ответ *lex de provinciis praetoriis*. Он представляет нам свидетельство нового измерения римских законодательных текстов – концепции, которую, пользуясь современной терминологией, можно назвать «римские интересы». Точная ссылка в законе на римских граждан и союзников, ведших дела на Востоке, отражает часть более широкой проблемы мобильности в рамках империи, особенно мобильности людей из Италии, политического центра империи. Миграции из Италии стали важным аспектом консолидации римского присутствия и управления на Востоке. Возрастающее значение присутствия там итальянцев побудило римскую элиту к пересмотру своей стратегии.

Еще одним важным аспектом кризиса являются негативные стороны римского владычества на Востоке: неограниченное давление сборщиков податей на экономику Малой Азии, содействие им со стороны коррумпированных должностных лиц, пиратство, с которым римляне не могли справиться. В конечном счете римское присутствие серьезно ухудшило положение малоазийских общин и послужило причиной значительной утраты доверия к Риму со стороны местных элит (с. 26).

Начало карьеры Суллы пришлось на эту критическую фазу в истории римского империализма. Он получил провинцию Киликия (Сантанджело принимает мнение тех авторов, которые считают,

¹ Letzner 2000; Brizzi 2002; Christ 2002; Ingrisch 2007; Hinard 2008.

² См. Кополеньков, Смыков 2010, 155–166.

³ Santangelo 2007.